

Независимая газ. — 1994. — 4 марта. — С. 7.

А ЭТУ ЗИМУ ЗВАЛИ АННОЙ

Оригинальная идея Никиты Михалкова

Борис Любимов

Живые картинки

В КИНОТЕАТРЕ «Октябрь» 13 февраля Никита Михалков показал свой новый фильм «Анна».

Как и в «Урге», в титрах есть запоминающееся выражение: «оригинальная идея Н. Михалкова». На самом деле в фильме их несколько.

Прежде всего жанровая идея: мне никогда не приходилось видеть фильм, начатый как «кинодневник» и на наших глазах превращающийся в киномемуары.

Не менее авторизована идея создания якобы «любительского» фильма «про семью» (сколько мы таких фильмов повидали) силами высококлассных операторов: кинематографическая красота фильма — особая тема, но сейчас не о ней.

Оригинальная идея «киносамиздата» — кто же в 80-е годы не читал и не писал «в стол»? Бумага все терпела, а вот государственная кинопланка не терпела ничего лишнего, даже того, что «в стол» по замыслу не предназначалось. Фильм «Анна», начатый в 80-е годы, был рассчитан на дальнюю, ожидаемую, но почти нереальную перспективу. С одной стороны, фильм «терпел» время, он должен был «ждать», пока не вырастет его героиня (внутренний сюжет «Анны»: несколько вопросов, которые сам Никита Михалков задает своей дочери Ане почти каждый год, и попытка исследования ее изменений, развития личности на фоне изменений страны), что вырастет героиня, догадаться было нетрудно, но как было угадать, что страна так вырастет, что сможет переварить этот замысел.

В философском смысле фильм интересен сопряжением таких категорий, как память и надежда (этот замысел нашел и внешнее выражение: фильм посвящен памяти Н.П.Кончаловской, матери режиссера, а в конце фильма появляется младшая дочь Никиты Михалкова с обнадеживающим именем *Надежда*).

Пожалуй, этого комплекта оригинальных идей было бы достаточно, чтобы вызвать интерес к фильму, но, признаться, наиболее значительными, неожиданными, близкими мне показались следующие.

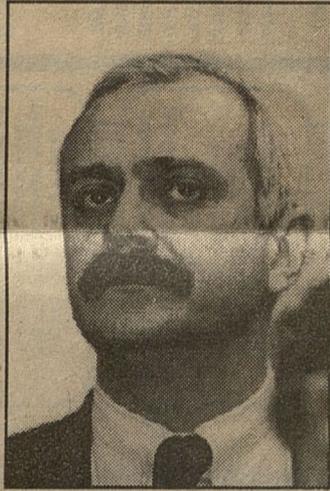
С легкой руки Тенгиза Абуладзе в нашу гласную жизнь вошло слово «покаяние». Именно «слово», а не «дело», ибо, как только оно прозвучало, все стали требовать раскаяния друг от друга, но не от себя. Диалоги оппонентов в печати 1987 года строилось примерно по следующей модели: «Иван Иванович, помните, как вы на меня донесли в 37-м?» — «А вы, Петр Петрович, что обо мне говорили в 49-м?» Трудность призывов к покаянию в стране, жившей 70 лет под гнетом террора (случай беспрецедентный в новейшей истории), заключается в том, что тот, кто по молодости или по условиям безопасности его не испытал, не смеет судить тех, кто хлебнул ужаса — недаром сочувственные люди, от Бердяева до Солженицына, не раз говорили, что человек, живущий по ту сторону границы СССР, не имеет морального права призывать живущих здесь к добровольному мученичеству. Ну, а тот, кто хоть малое время прожил в здешних условиях, без вины (той или иной ее степени) не остался. Ложь, полуправда или немота — других условий свободно-несвободного существования террор не оставляет. Столь важная для фильма Михалкова тема вины и ответственности могла бы прозвучать фальшиво, если бы Михалков не возложил часть ответственности не только на время, но и на себя, и даже на собственную дочь. Только личное покаяние каждого истинно. Проходящий сквозь фильм лейтмотив «насмешки горькой обманутых отцов над проматывающими страну детьми» оправдан

хотя бы тем, что в эту систему взаимных вин дедов-детей-внуков Никита Михалков включает свою семью. (Тема общей вины и всеобщего милосердия возникает и в фильме Михалкова «Утомленное солнце 1936 года» — самом глубоко, на мой взгляд, но о нем говорить пока преждевременно.)

Фильм начат в 1980 году. Тому есть несколько причин. Во-первых, именно в 80-м году шестилетняя Аня уже стала настолько взрослой, что ее ответы на вопросы, что она любит и чего боится, могли стать относительно членораздельными и небезлюбопытными не только для членов семьи. Во-вторых, именно в 80-м году вышел михалковский «Обломов». Понять, что общего у Илюши и Ани, кроме «детской», «поместья», «малой Родины», и какой клин вбила между ними советская власть, — вот что было еще одной оригинальной идеей автора «Анны». Михалков отвечает в фильме: «безбожие», воспитание ложных святых. Добавлю от себя и еще одно соображение, на мой взгляд, не противоречащее ни замыслу «Обломова», ни замыслу «Анны».

В разное время два мыслителя сказали так: «Конечно, в СССР есть и Россия. Она не умерла под коммунистической маской и, более того, она настолько еще жива и дееспособна, что нередко сквозь личину проступают светлые черты живого лица. И можно сказать, СССР существует доселе именно потому, что еще есть Россия» (Г.Флоровский, 1925 г.). «Были в России семена СССР, но все-таки он СССР, а не Россия. Сделайте так, чтобы он стал Россией. Не можете? Тогда поступайте, куда вы там, как если бы он Россией уже был» (В.Вейде, 1969 г.). В «Обломове» Никита Михалков впервые осторожно показал «светлые черты живого лица» дореволюционной России, тем самым поступив так, как если бы он уже при ней жил...

(Парадоксально, но именно с «Обломова» началось осторож-

Никита Михалков.

Фото А. Абраштова (ИГ-фото).

ное лягание «геральдического льва демократическим копытом», прорвавшееся на «перестроечном» съезде кинематографистов в 1987 году. «Тяжба» эта де-факто закончилась бесславленным поражением лидеров и идеологов Союза. Во всяком случае, поражает следующее обстоятельство. Год выхода «Обломова» предшествовал последнему брежневскому съезду КПСС, вошедшему, кстати сказать, в «Анну». Ни один — поверьте, я не поленился проглядеть подшивку «Искусства кино» — хороший фильм на экран в том году не вышел. Но споры почему-то вызвал лишь «Обломов», и вполне неглупые и образованные люди с цитатами из Ленина изучали «заблудившегося» художника. То ли дело «Тегеран-43» или «Ленин в Париже»...

В 1980 году СССР Россией еще не стал, да и сегодня призыв Вейде не потерял своей актуальности. И все же, снимая «Обломова» и сочиняя «Анну», Михалков угадал, что «промежуток» конца 70-х, названный потом «застоем», заканчивается. Что перестройка, в сущности, началась. Афганистан (эта тема

тоже присутствует в фильме) сделал с СССР то, что «Август 14-го» с Россией. Сахаров в Горьком, Олимпиада в Москве, XXVI съезд — все это вошло в фильм Никиты Михалкова. «Новый мир» публикует роман Айтматова (сегодня «паритет-космонавтами» становятся Россия и Казахстан во главе с Назарбаевым, тогда только что ставшим членом ЦК КПСС, так же как и Лукьянов). Уходит на пенсию, а потом умирает человек с биографией Косыгин, и его сменяет человек без биографии Тихонов. Горбачев становится членом Политбюро, и с ним с этого года начинают связывать надежды на обновление. Ельцин, Рыжков и Силаев входят в состав ЦК, а Черномырдин работает там инструктором. Вольский — помощник Брежнева, а Боддин — Горбачева. Хасбулатов и Собчак трудятся над докторскими диссертациями, а Старовойтова, Боровой, Бурбулис, Гайдар и Шахрай — над кандидатскими. Бунич пишет книгу о развитии социализма, а Черненко — о картошке. Яковлев — посол в Канаде, Гдлян — следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР, Грачев — командир полка в Афганистане, а Ерин служит там же. Попов — декан экономического факультета МГУ, а Зорькин — профессор Академии МВД. Кто-то был доцентом, кто-то был студентом...

Каждый делает шаг по ступеньке лестницы, ищет тот трамплин, с которого прыгнет вверх, из толпы выделяются лидеры. Один исторический период заканчивается, другой начинается.

У Никиты Михалкова почти физиологическое отвращение к толпе. К той, что проходит мимо мавзолея, к той, что допущена к праздничному концерту. Сытые рабы, получающие от лида рабов голодных, они не чувствуют горькой иронии истории и сами ставят на себя клеймо проклятья. А вот и господа-артисты. Как натужно ревет стихи Михаил Ульянов, как выслуживается изо всех, надо отдать ему должное, могучих сил...

И толпа, поднимающая на щит Горбачева, и толпа, его прогоняющая, и американская толпа, радостно привечающая Брежнева — все одно толпа, для которой главное — всегда быть как все. Толпа, независимо от профессии и сословия: интеллигенция, самоорганизовавшаяся в толпу, перестает быть интеллигентной. Мужики из подмосковных Барков или Аксиньина, всю жизнь прожившие в решении двух проблем: привезут ли хлеб в магазин и придет ли вовремя автобус, мрачно покуривающие на завалинке, больше имеют право именоваться «демосом», чем собратья Никиты Михалкова по перу или кинокамере.

Толпа, голосующая за Союз, через полгода — за отделение, через два года — за воссоединение, не укрепляет надежды на демократию. Да и когда и в какой стране «демос» воистину «кратил»? Иное дело — демократизация, понимаемая не как цель, а как средство. Без нее можно жить лишь в атмосфере «тайной свободы» (вспомним наши тайные крестины и венчания начала 80-х), в том числе и тех, кто к демократии относится скептически.

На экране — типографский станок, печатающий портреты Горбачева. И вот уже он печатает портреты Ельцина. Стоп! В этой остановке кадра — «Ужо тебе!», сказанное пушкинским Евгением Медному Всаднику, напоминание о прошлом и стремление заставить задуматься о будущем. Возможность сказать это не Медному Всаднику, а Живому — естественное следствие нашего времени, одно из немногих, но несомненных его достижений.

...На просмотре мне все время почему-то вспоминалась строчка из стихотворения Давида Самойлова «У зим бывают имена»:

А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.